

Лу Чжэнмин, не оборачиваясь, шагнул за дверь. Две расшатанные, продуваемые ветром створки теперь казались надёжной защитой, словно отделяя их от неведомой опасности. В свете луны, сочившемся сквозь щели, он пристально вглядывался в темноту за дверью.

Хэ Сы увидел, как Лу Чжэнмин ловко снял подпорку и небрежно бросил тому, кто был снаружи:

— Заходи, старик. Один — так один. Лишнего не жди.

Скрытый смысл был ясен: лишний человек — лишняя угроза.

В такой ситуации, когда люди из Восточной палаты и Императорской гвардии до сих пор их не нашли, у них обоих оставался лишь один путь — бороться насмерть.

Старик за дверью принялся благодарить, подобрал завёрнутый в ткань деревянный шест, поправил корзину за спиной и неспешно вошёл внутрь.

Ноги его плохо слушались, и он опирался на шест, как на посох. Каждый шаг отдавался глухим стуком, заглушавшим звук шагов, — тот самый странный звук, который ранее слышали Хэ Сы и Лу Чжэнмин.

Хэ Сы почувствовал, как дёрнулась его щека. Он понял, что все его предыдущие тревоги были глупостью...

Старик, много странствовавший по свету, видя, что обитатели храма относятся к нему настороженно, сам нашёл угол подальше, положил шест, развернул длинную ткань, расстелил её на земле и медленно уселся.

Лу Чжэнмин снова подпер дверь, а, обернувшись, обменялся с Хэ Сы взглядом. Тот понял: у старика нет боевых навыков, а снаружи всё спокойно. Это слегка успокоило его.

Лу Чжэнмин скосил взгляд на старика, доедавшего свой скудный паёк в углу, и вернулся на место. Он стянул мокрую одежду с плеч Хэ Сы, выхватил у него из рук палку, нацедил на неё одежду и принялся сушить над слабым огнём, ласково приговаривая:

— Говорил же тебе не носить мокрое. Простудишься. Почему не слушаешься?

Его тон вдруг стал неестественно нежным, словно он принял возбуждающее снадобье.

Хэ Сы насторожился и отодвинулся, но, взглянув на старика в углу, понял намёк Лу Чжэнмина. Уголок его рта дёрнулся, внутри он мучительно поёрзал, затем закрыл глаза и включился в игру:

— Мне же холодно!

Великан, входящий в роль капризного ребёнка, — это он тоже умел!

Старик, услышав их разговор, удивлённо поднял глаза и пробормотал:

— Вы, молодые господа, родственники?

Мысль о том, что Императорская гвардия и Восточная палата — одна семья, пожалуй, была самой смешной шуткой, которую Хэ Сы слышал в этом году. Но смеяться он не мог — лишь вежливо кивнул.

Старик понимающе кивнул. Человек, повидавший жизнь, не был столь же чопорен, как учёные мужи, и знал, что можно говорить, а что нет.

Он умолк, и Лу Чжэнмин тоже не стал ничего говорить, лишь напевал под нос, улыбаясь и суша одежду Хэ Сы.

Тот, чувствуя неловкость от разыгранной Лу Чжэнмином нежности, даже понимая, что это всего лишь притворство, осторожно отодвинулся в сторону. Взглянув на ткань, на которой сидел старик, он спросил:

— Старик, вы, должно быть, мастер фэншуй?

Старик, проглотив кусок пайки, поспешно замахал руками:

— Мастером фэншуй я не смею называться. Прото странствую, смотрю лица, гадаю, чтобы как-то прокормиться.

Лу Чжэнмин, заинтересовавшись разговором, спросил:

— А по лицам можете сказать, кто мы такие?

После этих слов в храме воцарилась тишина.

Хэ Сы молчал, лишь подбрасывал в костёр сухую траву и с раздражением отбивал руку Лу Чжэнмина, который норовил сунуть туда мокрые ветки.

Старик медленно доел свой паёк, поднял мутные глаза, потёр их и смущённо произнёс:

— Далековато, плохо разглядеть.

Лу Чжэнмин усмехнулся:

— Тогда подойдите поближе, рассмотрите как следует.

Старик кряхтя пробормотал «простите, простите» и неспешно приблизился. Его взгляд скользнул по лицу Лу Чжэнмина, но вдруг, словно увидев нечто ужасное, он отвел глаза и уставился на лицо Хэ Сы.

Он замер, придвинулся чуть ближе и принялся внимательно изучать черты Хэ Сы.

Старик смотрел крайне сосредоточенно, его взгляд будто ножом скользил по каждому сантиметру лица Хэ Сы. Прошло много времени, и когда терпение того было уже на исходе, старик, поглаживая козлиную бородку, тихо проговорил:

— У этого господина черты пяти добродетелей: челюсть, как у ласточки, клюв, как у петуха, спереди — как у единорога, сзади — как у оленя. Сердце его гармонично с добродетелью, уши внемяют мудрости. Это облик дракона и феникса, не для простых смертных.

Услышав это, и Хэ Сы, и Лу Чжэнмин приняли странные выражения лица.

На лице Лу Чжэнмина появилось забавное выражение, словно он услышал нечто потешное. Он продолжал рассеянно сушить одежду Хэ Сы, лишь украдкой поглядывая на того.

Улыбка Хэ Сы же застыла, и при ближайшем рассмотрении можно было заметить в ней

странную ноту.

В юности он сам промышлял обманом на рынках, чтобы прокормиться, и знал, что такие гадатели говорят людям то, что те хотят услышать. Из здорового могут накликать беду, а бездарного — выставить святым. Были, конечно, и те, кто обладал настоящими способностями. Например, тот сановник, что хранился в Астрономическом приказе. Говорили, в прежние годы он мог вызывать ветер и дождь, превращать бобы в воинов. И императоры, и сановники, и простолюдины — все приходили от него в трепет.

Правда, позже, как ходили слухи, этот человек пережил сердечную рану, затворился в Астрономическом приказе и наотрез отказывался выходить, так что даже императору было сложно его увидеть.

Услышав эту сплетню, Хэ Сы подумал, что этот Государственный наставник, видимо, не слишком усерден в своём пути. Как может монах влюбляться? Не боится, что Небесные предки ниспошлют на него молнии?

Что до этого гадателя, он сам назвался шарлатаном. Хэ Сы не верил, что у того есть настоящие способности, и решил, что тот просто пытается польстить Лу Чжэнмину, который смотрелся человеком, с которым лучше не связываться.

Хэ Сы беспокоило не то, что старик несёт чепуху, а содержание этой чепухи. Он несколько лет учился во внутренней школе и читал разную всячину. Слова гадателя о пяти добродетелях, ласточкиной челюсти и петушином клюве, единороге спереди и олене сзади явно указывали на феникса.

Хэ Сы фыркнул и причмокнул:

— Вот это интересно.

Лу Чжэнмин в ответ тоже усмехнулся — то ли в знак согласия, то ли потому, что тоже уловил скрытый смысл в словах гадателя.

Хэ Сы, даже поняв это, не придавал значения — всего лишь болтовня бродячего шарлатана. Забавным ему показалось то, что даже если притягивать эти сравнения с мифическими существами, то он, как наместник Восточной палаты, носящий драконий халат и нефритовый пояс, никак не мог ассоциироваться с фениксом.

Хэ Сы отнёсся к «высокопарным речам» гадателя как к шутке, усмехнулся и отбросил их от себя. Ночь перевалила за половину, но холод не отступал, и он потирал руки, грея их над слабым пламенем. Вдруг он заметил невозмутимого Лу Чжэнмина, воскликнул «А!» и указал на него:

— Эй, мастер, а вы моего спутника-то ещё не посмотрели.

Лу Чжэнмина словно что-то внезапно подавило, и он закашлялся.

Гадатель весь вздрогнул и даже не посмел поднять глаза на Лу Чжэнмина, будто тот был для него диким зверем. Он, опустив голову, начал медленно отползать обратно в угол, бормоча:

— Не смею, не смею.

Чем больше он говорил «не смею», тем любопытнее становилось Хэ Сы. Он покосился на Лу

Чжэнмина.

Тот потирал подбородок, делая вид, что не замечает его хитрого взгляда.

Хэ Сы улыбнулся:

— Не бойтесь его. Говорите смело, что хорошее, что плохое — всё равно. Он меня слушается, не посмеет вас тронуть.

Маленький офицер Императорской гвардии — его хоть расплющивай, хоть скручивай, он и пикнуть не посмеет.

Старику вдруг словно стало жарко в эту промозглую ночь. Он принялся вытирать пот своим залатанным рукавом. В конце концов, не выдержав настойчивых, как нож, вопросов Хэ Сы, он, дрожа, подобрал рукава и втянув голову в плечи, пробормотал:

— Этот господин... он... его судьба — судьба полководца. На небесах есть три звезды: Циша, Таньлан и Поцзюнь. Те, чья судьба отмечена этими звёздами, во все времена были величайшими героями. Этот господин — из их числа.

Гадатель показал большой палец.

Хэ Сы подумал про себя: Лу Чжэнмин — офицер Императорской гвардии. Не говоря уже о битвах, одним своим длинным мечом он отсекал сотни голов. С этими тремя звёздами его можно как-то связать.

Только вот...

Хэ Сы, расставив ноги, развалился на каменном постаменте, упёрся локтем в колено, подпер щеку рукой и с усмешкой посмотрел на Лу Чжэнмина:

— Что ж, хозяин, выходит, тебе на роду написано быть генералом. Теперь я буду на тебя надеяться.

Лицо Лу Чжэнмина, покрытое копотью, едва заметно дёрнулось. Он снова закашлялся:

— Ладно, ладно.

<http://bllate.org/book/16284/1467052>